

— Его светлость приказал вам тоже сегодня собираться на бал, леди Элеонора, — опустив все приветствия, сказала с порога хорошо одетая угрюмая женщина средних лет.

Элеонора была владелицей этого одноэтажного кирпичного дома и старшей дочерью герцогства Пурплеус, существовавшего еще со времён до основания Уиллидеской империи. Она была сиятельно прекрасной женщиной со светлыми волнистыми волосами и фиалковыми глазами.

Как часто бывает, мачеха завидовала её красоте, а потому сослала жить в одиночестве в маленьком заброшенном доме. По сути, изначально здание было предназначено для карантина тех членов семьи, что заболели чем-либо особо заразным и неизлечимым.

В дополнение к старому и великолепному главному зданию у городской резиденции герцога Пурплеуса была два флигеля — старый и новый. Мачеха отдала Элеоноре один из них. Приходящая прислуга заботилась обо всех её ежедневных потребностях, а для обучения был нанят специальный учитель.

Услышав о том, что ей придётся сегодня идти на бал, Элеонора положила руку на щеку и раздражённо склонила голову набок.

— И?..

Странная сексуальность жеста тихо прошептавшей Элеоноры заставила горничную из главного здания на какое-то время растеряться, но, прокашлявшись, она тут же начала отдавать распоряжения пришедшим с ней юным помощницам:

— Леди Элеонора должна быть готова к выходу. Поспешите.

А затем снова повернулась к Элеоноре:

— Как будете готовы, пожалуйста, подождите хозяев в холле. Не заставляйте их ждать.

Если бы кто-то из посторонних услышал, как какая-то прислуга, пусть и из старших слуг, обращается к леди герцогского рода, он был бы сильно удивлён. Но для Элеоноры это было в порядке вещей, так что и не волновало её.

Приготовленное для девушки платье было ярко-красным с вычурной широкой юбкой, что смотрелась бы вульгарно и вызывающе даже на проститутке. Это было частью травли, но на Элеоноре это платье только подчеркивало её красоту. Как только она была готова, девушка отправилась в холл главного здания. Вскоре туда должны были прибыть её отец, мачеха и сводная сестра.

Спустя какое-то время по главной лестнице спустилась София, её сестра. Она выглядела раздражённой и, как только увидела Элеонору, бросила в неё свой веер. Впрочем, та не сдвинулась с места и просто поймала его.

— Эй, почему это ты тоже собралась на бал?

—

Элеонора, уже давно заучившая не говорить больше необходимого, задумалась, как ответить.

«Спроси что полегче-пэ. Сама не думала, что отправлюсь сегодня в замок в таком красивом наряде. Что я могу тут сказать?»

Если Элеонора не обдумывала аккуратно свои слова, они часто срывались с её губ с довольно заметным акцентом — привычка, сохранившаяся с прошлой жизни.

Да, Элеонора помнила свою прошлую жизнь.

У неё были яркие воспоминания о ней с самого рождения, но она не хотела волновать своих новых родителей, так что всегда старалась вести себя как ребёнок. Несмотря на это, окружающие считали её странной, родители и няня относились к ней с отвращением. Впрочем, до смерти её матери она жила в главном здании, пусть родители никогда сами не занимались её воспитанием. Это было в порядке вещей для высшего света.

Её мать умерла, когда ей ещё не было и двух лет, а вскоре отец женился вновь. С тех пор и поныне Анна была её мачехой. С похожей на свою мать и предыдущую жену прекрасной Элеонорой, вполне предсказуемо, плохо обращались, а вскоре и вообще отселили в отдельный дом.

В то же время она была старшей дочерью герцога. Чтобы она не стала позором семьи, когда придёт время выдать её замуж, ей дали подходящее образование — не только манеры, но и вышивка, танцы, игра на музыкальных инструментах вошли в список необходимых уроков. Всё это ожидалось от девушки её происхождения.

Но вот с её произношением ничего поделать не смогли. У неё всё равно проявлялся акцент. Впервые она заговорила, когда ей был год. Но это было лишь одно слово, так что ничего подозрительного, но когда Элеонора стала связывать два-три слова в цепочки, её акцент уже было не спрятать. Окружающих это ввело в недоумение. Если бы она сказала что-то вроде: «Не хочу есть. Бери, если хошь,» — прислуга не просто лишилась бы зарплаты, но и вылетела бы с работы.

И хотя все тщательно искали причину появления акцента, но ни у кого у слуг в герцогской семье не было такого сельского говора. В конце концов причину так и не удалось установить, но вот меры принять пришлось.

Горничные и учителя начали наставлять Элеонору и заставлять её каждый раз перед тем, чтобы что-либо сказать, тщательно обдумывать каждое предложение, а только затем повторять его вслух. Из-за этой тренировки она никогда больше не произнесла ни слова с акцентом, даже во время званых приёмов. А так как она старалась изо всех сил вообще не говорить, то в свете её стали звать «тихой красавицей герцогского дома».

«Ах, имперский бал-дабэ. По слухам, на нём будут деликатесы со всей страны-пэ. Как тут сдержаться, когда перед тобой столько отличной еды. Хотела бы я съесть много-много всего-пэ. Так сложно быть леди-дабэ.»

Элеонора вздохнула, а её лицо приобрело меланхоличное выражение, но всё, о чём она думала, — это только о еде.

<http://tl.rulate.ru/book/59809/3623459>